

Моск. новости, 1985, 20 окт., №42

М ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Семен МАРГУЛЯН:

Не люблю, когда играют в клоунов

— Здравствуйте! Меня Сеня зовут, — пожимает зрителям руки, перешагивая через барьер, маленький нарядный клоун. С этой минуты и до конца представления он — веселый король манежа. И какое бы головокружительное сабто ни проделывали гимнасты под куполом цирка на Цветном бульваре, как бы благосклонно ни относились к командам дрессировщика ленивые хищники, кончается номер — и все сразу поворачивают головы к выходу: где же клоун?

А он тут как тут. Едет верхом на «Черепашке», лихо вытанцовывает в кадрили с могучей — всем на зависть — барышней и забавно любезничает с ней на птичьей языке — посвистывании. Конечно, клоунады рассчитаны на действие, а не на пересказ. В цирке, как нигде, лучше один раз увидеть — и посмеяться. И это удовольствие дарит зрителям клоун Семен Маргулян. Для него афоризм: «Счастье жить — счастье творить» — звучит несколько иначе: «Счастье — смешить».

— Я двадцать семь лет работаю на арене, из них двадцать два — клоуном, — рассказывает Семен Маргулян. — Выступал во всех крупнейших цирках мира, но считаю, что старый Московский цирк на Цветном бульваре лучший на земле.

Может показаться странным, что человек, который в буквальном смысле работает на публику, живет ради того, чтобы увидеть посветлевшие от улыбок лица, больше всего любит оставаться в цирке в одиночестве. Но это так.

— Я люблю опустевший цирк, всегда ухожу последним, даже когда служебный выход — и тот закрыт, иду через пожарный. И всегда прохожу через опустевший манеж. Маленькая арена хранит в себе терпкий аромат цирковой славы и восторг аплодисментов, как большая раковина — соленый шум моря. Здесь выступали самые смешные и знаменитые клоуны: Фрателлини и Марсель Марсо, Карандаш и Олег Попов, Юрий Никулин с Михаилом Шуйдиным... Все они выходили к зрителю со своим неповторимым искусством, а с уходом артиста, как тень, исчезал и созданный им образ.

Так что поговорка о том, что незаменимых — нет, не про нас.

— Но ведь вы сами впервые вышли на манеж заменить заболевшего клоуна...

— И да, и нет. Я не стал играть того, заболевшего клоуна. Я вообще не люблю, когда в клоунов играют. Актер силен своей импровизацией, и его фразы, жесты должны быть неожиданны. Лично я очень часто неосознанно делаю вещи, которые получаются смешными. Если бы этого не было, мне, наверное, пришлось бы сменить профессию.

— А у вас есть другая специальность?

— К началу моей «головокружительной» карьеры, когда я был допущен спать в цирковом автобусе, сторожить реквизит, расстилать дорожку перед гимнастами и в порядке исключения выступать «за свой счет», я окончил техникум, был перворазрядником по фигурному катанию и мастером спорта по мототонкам. Но еще в школе за один-единственный трюк меня прозвали «Сенька-клоун», а потом прохода не

давали. Я отчаянно обижался и даже колотил тех, с кем мог справиться, конечно. Правда, настоящих клоунов ни мне, ни моим друзьям, с которыми мы устраивали выступления шумового оркестра на крыше бабушкиного сарая, видеть не приходилось: в наш маленький провинциальный городок цирк не приезжал. Но однажды я все-таки попал на представление — и навеки потерял покой. Даже набрался смелости, пробрался за кулисы и попросил разрешения попрыгать на батуте. И снова все надо мной смеялись — на этот раз уже артисты. Обидно было до слез, но какой-то человек подошел и сказал: «Тебе, дружок, клоуном надо быть. Ты что, обиделся?.. А ведь я клоун».

— Теперь вы уже не обижаетесь?

— Я отвечаю словами де Фюнеса, с которым мне посчастливилось общаться на одном из международных совещаний. Он сказал: «Обратите внимание, как много актеров, которые заставляют нас плакать, и как мало тех, кто может нас рассмешить».

— Но и смех бывает разный.

— О, еще какой разный. Тихий и громкий, веселый и грустный, хитрый и глупый, искренний и фальшивый, добродушный и злой, от души, сквозь слезы... А в цирке, как известно, смеются над нами, клоунами. Если зритель сначала засмеется, а потом призадумается, воскликни себе «браво!», а если вначале долго думает, а потом улыбнется — плохо дело. Впрочем, нам, советским артистам, посчастливилось в своей работе ориентироваться на развитое чувство юмора, хороший вкус нашей публики. Он воспитан поколениями комиков, своим мастерством оградивших искусство клоунады от паясничанья и пошлости. У нас богатейшие традиции.

— А как они уживаются с поисками новых форм выразительности?

— Это очень серьезный вопрос. Сегодня, в период начинающейся ломки и перестройки клоунады как жанра, важно сохранить все лучшее, что было накоплено предыдущими поколениями клоунов, что уже признано народом. Чтобы смешной и добрый, традиционный облик клоуна, узнаваемый любым, даже маленьким зрителем, сохранился. Наше будущее, более чем в любом другом жанре зависит от того, кто следующий выйдет на ковер.

Людмила ЗАВЬЯЛОВА.